

T. A. МУМИНОВ

МУРАКАМИТЕРАПИЯ ДУШИ

Могу ли забыть
Того, кто, не смахивая слезы,
Бегущей по щеке,
Показал мне,
Как быстро сыплется горсть песка
Исикава Такубоку (Хадзимэ)

Харуки Мураками популярен и признан. Его книги многомилюонными тиражами расходятся по всему миру. Волна Муракамифилии не идет на спад, захлестывая то одну, то другую страну. Между тем отношение к автору романов противоречивое – от фанатичной любви до резкого неприятия. Критика также разношерстна. Выводы экспертов категоричны и полярны.

Интерес к творчеству Мураками в русскоязычном читательском мире, начавшийся в конце прошлого столетия, достиг пика в начале XXI века. Мураками, как литературное явление, можно, по моему, сравнить с популярностью ранее в этой же среде Ремарка, Хэмингуэя, Сэлинджера. Точно также в свое время герои, пришедшие из «чужого» мира, чем-то глубоко трогали нас, заставляя переживать перипетии их жизни, как свои собственные.

В чем же секрет популярности произведений японца, издатели и переводчики которого долго сомневались – стоит ли выпускать этот «продукт» на русскоязычный книжный рынок?

Моей первой книгой у Мураками была «Охота на овец». Прочел ее формально, больше для того, чтобы быть, что называется, в «курсе». Затем были другие книги: «Трилогии Крысы», «Страна Чудес без тормозов и Конец Света». «Конечно, не Кобо Абэ и не Кэнзабурэ Оэ», – думал я, но что-то необъяснимое в этих книгах «цепляло». Всегдашняя занятость и рутина не позволили мне «добраться» до других романов писателя. Так было до моей последней поездки в Японию. Ранее я в этой стране был несколько раз в рамках научных и образовательных программ. В свободное время знакомился с людьми, страной и был ею совершенно очарован. Япония поселилась во мне навсегда.

Но на этот раз я поехал туда по другому поводу. У меня были проблемы с глазами и мой давний друг, офтальмолог Кодо Окуяма, предложил лечение в Японии. После обследования в клинике, я дал согласие, и меня там быстро прооперировали под музыку Чайковского. Да-да, в течение всей операции звучало «Лебединое озеро».

Баба-сан, так звали хирурга, аккуратно сделал «проколы» в моих глазах. Я, естественно, упрощаю, но суть операции была именно такой. «Совсем как в «Стране Чудес», – подумал я и про себя пошутил, – «теперь я смогу читать чужие сны». Возвратившись домой, я более внимательно взялся за Мураками и стал его фанатом. Почему? Объяснения и аргументация изложены ниже. Быть может, и вам они будут любопытны.

Истинный интерес к писателю проснулся во мне не после «Овец» и «Страны Чудес...», а после мозаичных, «клиповых» романов «Слушай песню ветра» и «Пинбол 1973». Помнится, про себя я назвал этот стиль изложения неосэлинджеровским, а героев – холденами из Японии.

Критики называют Мураками наиболее «европейским» японским писателем. «Инфраструктура» романов, поведение героев, их привычки, среда обитания насыщена атрибутами евро-американской культуры. Очень часто в романах присутствуют джаз, классическая западная музыка, рок, поп, голливудские фильмы, классики европейской, американской, русской литературы, европейская пища и напитки, модные бренды одежды, автомобилей. Вся эта «евро-американская экология» убрана ненавязчивым японским декором – с подробным описанием национальной кухни, деталей быта, сервиса, городского устройства и устройства жилища. Обыденные для японца слова и названия (синзюку, синкасэн, кинокунио, токасимая, тофу, сузи, цубо) приносят на страницы книг особый, привлекательный восточный флер, аромат страны, создают ощущение погруженности в неё и близости к ней.

Точное попадание в настроение, чувства и психологию читателя, безупречное совпадение с его внутренним состоянием, будучи безусловными признаками таланта, все же не могут исчерпывающе объяснить причины оглушительной популярности произведений японца во всем мире.

Что же он там «расшевелил» такого в душе читателя, в глубинах его сознания, в химии чувств и взаимоотношений, что терпким, а иногда и горьким послевкусыем надолго не отпускает тебя в процессе, да и после окончания чтения?

Понимая всю бессмысленность препарирования произведений для поиска истоков их воздействия на читателя, каждый, тем не менее, может выделить определяющую причину такого явления, как Мураками. Лично для себя квинт-

эссенцию феномена Мураками я назвал «ремеслом» по исцелению души – «муракамитерапией». Показывая отдельные стороны экзистенции, Мураками погружает читателя в мир японского мегаполиса, японского социума, иногда в обыденные, а чаще в экстремально-фантастические ситуации для поиска ответов на вечные вопросы. Писатель находит некие общие для всех людей проблемы и предлагает нам свои методы и пути их решения. Именно свои. «Мне хотелось рассказывать истории тем голосом, который я в себе открыл, и теми словами, которые во мне накопились...» – говорит писатель. «Я пишу, чтобы исцелиться», – признается Мураками. А мы, как мне кажется, читаем его, чтобы исцелиться самим.

Элегия одиночества

Один из элементов экзистенции – одиночество. Для героев Мураками оно характерно изначально. Они имеют эскизные, отрывочные воспоминания о родителях. Зачастую таких воспоминаний вовсе нет. «Мне всегда, с самого детства, казалось, что я живу один. Хотя у меня были родители и старшая сестра, но я не любил их. Они меня не понимали, и я не находил с ними ничего общего... Когда было трудно... сам думал, сам принимал решения, сам действовал. Но... потихоньку обнаружил, что быть совсем одному – страшно грустно» («Мой любимый sputnik»).

В детстве, в юности одиночество – неотъемлемый атрибут жизни всех, без исключения, героев Мураками. Повзрослев, они теряют семью, от них уходят жены, разлаживаются отношения с окружающими. Черты изгоев, характерные для протагонистов «Трилогии Крысы», «Хроники Заводной Птицы», «Норвежского леса», просматриваются во всех романах и рассказах писателя. «Что такое одиночество? Оно похоже на чувство, когда в дождливый день стоишь у устья большой реки и долго смотришь, как огромные потоки воды вливаются в море... ты смотришь на это и на душе у тебя грустно и одиноко».

Что такое японец вне семьи, оторванный от корней, не признающий корпоративной психологии? Со времен падения первых капель с копья Изанаги, такое было позволительно отдельным исключительным личностям-художникам, поэтам, философам. Народ, корпоративный, по сути,

настороженно относится к самой природе индивидуальности, «свободе воли и выбора». Строгая социальная иерархия – остов японского общества. Но что-то постепенно сдвигается в пластиках современной общественной психологии, что-то странное происходит в многовековой архитектонике японского социума.

Общественный нонконформизм – феномен, обозначившийся в современной Японии совершенно явственно. Мураками (сам в прошлом держатель джаз-бара) один из индивидуалистов. Он не против «Системы», он просто хочет быть вне её. Индивидуалист, одинокша, к тому же «маслоед» (т.е. чужой), разрушитель традиций, космополит. Таковы и персонажи Мураками. Они носят джинсы, футболки, костюмы от Армани, пьют Хайнекен, едят пиццу, слушают джаз, классическую музыку, читают Конрада и Фицджеральда. Герои четко укладываются в систему координат и кодов, понятных во всем мире. У них возникает вполне естественный интерес к Листу, Тургеневу, Достоевскому, Битлз, Россини, к Евангелию от Матфея, Кафке, Прусту и вместе с тем, а может быть вследствие этого, герои Мураками чувствуют себя одинокими в «пустыне» мегаполиса. Такие герои точно могут отмахнуться от традиций «Системы», могут иметь собственное «Я», которое тщательно стирается «Фабрикой» из сознания жителей «Конца Света» и выносится единорогами за пределы Города. Но хранительница снов из библиотеки Памяти уверена, что без своего «Я», без «тени» нет жизни, хотя население Города и бессмертно.

Роман «Слушай песню ветра», начинающий «Трилогию Крысы», отличает юношеская, светлая интонация письма. Язык очень прост, структура романа фрагментарная, мозаичная. Трагательная, солнечная, незамутненная атмосфера Джей-бара, чистые взаимоотношения героев, картины фантастических кораблекрушений с плавающими в волнах банками пива, незатейливые сказки о Козле с новыми часами, истории со смеющимися лошадьми и собаками захватывают и очаровывают читателя. Но исподволь тревожные, едва слышные нотки вплетаются в канву безоблачного повествования (погибшая подруга с отделения французской филологии, висевшая на ветру две недели, необъяснимые истерики Крысы, грусть прощания с городом и друзьями, «марсианин», пустивший себе пулю висок). Но это так,

небольшие перистые облака на достаточно чистом пока небосклоне юности. Далее «Пинбол 1973» с пивом, девушками, университетом,ексом с близняшками, похоронами распределителя, успешным бизнесом. Все как у всех. «Но что-то зловещее таится в осени 1973 года». Крыса, друг протагониста, «одинок и бессилен, как зимняя муха с оторванными крыльями». Противоречивый мир взрослых заставляет его мучительно размышлять, лишает покоя, душевного равновесия. Тоска и тревога мучают юношу. «Крыса зажмуривался, накрепко запирал сердце и терпеливо ждал пока волны (переживаний) улягутся»... и тогда, – « ... в его душе снова был мир – все такой же хрупкий и маленький». Благополучный парень, из богатой семьи, не желая богатеть так, как богатели его родители, бросает университет, расстается с любимой, уезжает жить самостоятельно. Юность кончилась. Такие, как Крыса, мыслящие, нестандартные, обречены на одиночество. И мы найдем его таковым на Хоккайдо, в горах, по-прежнему одиноким, зрелым, сформировавшимся и мертвым («Охота на овец»).

Он останется верным себе, своим юношеским идеалам. Он не пойдет на поводу у Системы, он примет самостоятельное, единственно правильное решение.

Мы догадаемся об этом по косвенным признакам. Он убьет себя, чтобы убить овцу-опухоль в своем мозге. Опухоль, метастазирующую в обществе, в виде неутомимой энергии разрушения, милитаризма и ультраправого мракобесия.

Произошедшее – закономерный итог употребления коктейля из солнечной, юношеской бескомпромиссности, одиночества и поиска, размышлений и нонконформизма.

«Все люди скисают, никакого разнообразия... Поэтому у меня нет ни любви, ни симпатии к тем, кто идет навстречу пустоте». Крыса не из тех, кто скисает. Он из тех, кто знает, что свобода – «критерий подлинности существования».

По Сартру «вся историческая диалектика покоится на индивидуальности». Аутентичность человека – это готовность взять на себя ответственность. Хотя бы за самого себя. Индивидуальность, одиночество и ответственность связаны неразрывно.

Хадзимэ («К югу от границы, на запад от солнца»), владелец джаз-бара, вполне успешен – семья, дети, хорошая работа, приработка за счет

манипуляций с акциями. Казалось бы, он не укладывается в описание персонажей- изгоев, но полного покоя нет и в его душе. Одинок не только Хадзимэ, его жена Юкико, любовь детства – Симомото, Идзууми – любовь юности. «Быть может, наша планета подпитывается нашим одиночеством», – задается вопросом герой другого романа. Контрапункт мелодий одиноких судеб пронизывает все романы Мураками. Одиноки и Заводная Птица – Тору Окада, и Наоко, и Мидори из «Норвежского леса», и Сумирэ с Мюу из «Моего любимого спутника».

Настоящим гимном одиночеству показалась мне потрясающая финальная сцена «Охоты на овец», хотя вырванная из контекста романа цитата, быть может, не очень впечатлит читателя статьи.

«Двинувшись вдоль реки, я добрался до самого устья. Вышел к остаткам морского берега в полсотни метров длиной, сел у самой воды – и проплакал два часа кряду. С самого рождения мне, наверно, еще не доводилось плакать так долго. Лишь через два часа я, наконец, нашел в себе силы подняться на ноги... Когда солнце совсем зашло, я сделал свой первый шаг – и услышал, как за спиной еле слышно плеснулись волны» («Охота на овец»).

Может быть, все, кто оторвался от «системы-родительницы», – одиноки? Пронзительное одиночество, печаль, обреченность, отчаянье, характерные для многих персонажей Мураками, несомненно, находят отклик в душе читателя и налагаясь на его собственный внутренний мир, извлекают из него продолжительное эхо благодарного сочувствия. И каждый читатель, проходя через драму потерь персонажей, через испытание их печалью, тоской и одиночеством, обливвшись «горькими слезами» над судьбами героев, должен, несомненно, и сам почувствовать глубочайшее очищение, освобождение и исцеление.

Поиски себя в « колодцах» сознания и «колодцах» души

«Певец мегаполиса», Мураками, совсем как герои Кафки, размышляет о проблеме индивидуальности в огромном мире равнодушия, конформизма, о потере своего «Я», «свободы воли», самостоятельности. «Вся моя жизнь – ничто. Полный ноль. Пустота. Что Я сделал, создал... ?

Сделал кого-то счастливым? Что у меня за душой», – говорит персонаж «Страны Чудес без тормозов и Конца Света».

Как известно, человек – единственное существо, которое может жить в состоянии расщепленного (шизофренического) сознания. Мураками применяет способ расщепленного романа (метод М. Булгакова?), расщепленного сознания для большей выразительности и расширения возможности воздействия на читателя. Мозг, сознание персонажа «Страны Чудес» – объект воздействия «Системы». «Фабрика» стирает информацию в мозгах населения, встрыхивает её (шаффлинг), копирует файлы памяти по своему усмотрению, манипулирует сознанием. Протагонист с расщепленным сознанием, существующий в двух мирах – подопытный «кролик» Системы с вживленными в его мозг электродами.

Для консолидации восприятия, «шлюзования» расщепленных миров, Мураками использует образы «колодцев», «тоннелей», «омутов». Они являются почти универсальным интерьером всех его романов. Но функции их почти всегда разнятся.

Колодец Наоко с неизвестной географией («Норвежский лес») – это потусторонний мир – символ опасности, кладбище костей заблудившихся. Другие колодцы Мураками – это места, где меняется бег времени, искривляется пространство. Колодец может быть путем для спасения близких и друзей, местом раздумий, очищения души, местом метаморфоз героев, местом обещания исцеления, местом прорыва в иную, более счастливую жизнь. Омут (водоворот) – единственный выход из Города в «Конце Света». Выход из глубин подсознания, где заблудилось «Я» героя, его «тень».

Иногда «колодцы», «тоннели и «омуты» – это своеобразные «каналы» для взаимодействия сознания и подсознания, «правого» и «левого» мозга автора, элементы контрапункта «Страны чудес...» и «Конца Света». Проникая через «переход» из одной части книги в другую, мы явственно ощущаем деформацию времени, темпа жизни в противоположных мирах. В одном – время скротечно, у него нет тормозов, в другом – тишина, умиротворение. В первом мире счет идет на часы, минуты, в другом мы видим неспешную смену времен года, хотя события в двух мирах параллельны.

«Колодцы», тоннели «Страны Чудес без тормозов и Конца Света», «Норвежского леса», «Птицелова», погружение в глубину моря в «Моём любимом sputnike» - аллегорическая попытка поиска нестандартных решений драматической, тупиковой проблемы. Попытка систематизировать психоэмоциональную составляющую жизни, в которой синхронно работают сознание и подсознание (с ее древней «животной памятью» и инстинктами), в условиях воздействия извне («Система», «Фабрика»).

«Определяется ли наше поведение свыше – или каждый шаг мы делаем сами?» – спрашивает Профессор и признается, что у него нет ответов на этот вопрос. Не находит он их ни у Сартра, ни у Юнга, ни у Фрейда.

У протагониста «Страны Чудес» ответ есть. Он приходит к нему неожиданно. Он вдруг явственно понимает, что оба мира созданы им самим – сознание и подсознание («Страна Чудес и Город»). Но это именно он, а не Система, хозяин своего «Я», своего сознания. Стирка, манипуляции с памятью, шаффлинг бессильны, когда есть индивидуальность с чувством ответственности. Протагонист остается в Городе, он выбирает ответственность. За ту, кого он приручил, и, в конце концов, за себя самого. Он сделал выбор и поэтому: «Ко мне вернется постепенно наш с тобой старый мир. Я вспомню все, что должен был знать. Разных людей, разные города, разные огни и разные песни...», – говорит он своей тени, покидающей Город.

Проблема выбора, поиска себя, гармонизации сознательного и бессознательного стоит перед каждым. Стоит она и перед другими героями Мураками. В конечном итоге аналогичные проблемы встают перед всеми, кто начинает свою дорогу в «тоннели», в «колодцы жизни».

Мураками моделирует эту универсальную ситуацию, поскольку знает, что, человек по утверждению J. L. Морсено, «глубже всего способен почувствовать нечто сначала на уровне психодраматического действия, потом на уровне реальности и только затем на вербальном». Писатель, несомненно, глубоко изучил и прочувствовал методы современного психоанализа и психотерапии. Но использует он их в художественной форме, проговаривая все «своим голосом». Очевидно, что исцеляющие «микстуры» Мураками настоящи на художественной проработке «евро-

пейской» психологии. Вместе с тем, думаю уместно напомнить, что дед писателя – буддистский священник, а Юнг, интересовавшийся даосизмом, буддизмом, рассматривал психоанализ как «западную йогу» (путь освобождения) и предавал коллективному бессознательному определяющее место в аналитической психологии. Вероятно, внук священника обращается, кроме всего прочего, и к «коллективному подсознанию» аудитории. Может быть, вследствие этого «лекарства» Мураками, прописанные по японским рецептам, помогают «пациентам» во всем мире. Помогают выстроить «мост между сознанием и личностью», Разобраться, «где жизнь, а где мираж» («Страна Чудес...»).

Исцеление страха

Ещё один модус экзистенции – страх – (наряду со страданием, одиночеством, любовью) намертво вплетен в ткань повествований Мураками. Он поселяется во всех «тоннелях», «колодцах», вырытых в душах и в мозге героев. В начале это страх перед взрослой жизнью, страх ошибки при выборе пути, принятии решений в любви, в дружбе. Юношеские кошмары об удавившейся подруге, липкие и потные сны о черной птице, чувство зловещей осени и слизь земляных червей, готовых утащить тебя под землю («Слушай песню ветра», «Пинбол 1973»). Затем это страх перед живой, всепоглощающей морской волной, страх перед зеленым чудовищем, приведениями, общественным мнением, мифическими жаббервогами («Призраки Лексингтона», «Страна Чудес...»).

Дальше, больше. «Мрак, горькие кошмары, силы умерших людей» («Норвежский лес»). Ужас Мюо, вмig ставшей седой после странных видений, «Человек – ужас», Борис – живодер, искусно снимающий кожу с человека («Мой любимый sputnik», «Хроники Заводной Птицы»). Можно продолжать достаточно долго. Лики всепоглощающего страха у Мураками разнообразны. Наоко и Кумико страшатся своей судьбы, своего потомства из-за генетически детерминированного порочного наследия, боятся, что их «род несет что-то мрачное, зловещее и это может быть в твоей крови». Но если у Наоко это страх сделать несчастным любимого, то у Кумико масштабы страха куда как больше. Если Наоко

повесилась, чтобы ее больной ген не распространялся в потомстве Ватанабе, то в Кумико гнездится страх отчаявшейся жертвы инцеста и носителя мрачного наследия Набору Ватая. Он (Набору Ватая) «... показал возможность вытащить на поверхность Нечто, кроющееся в темных закоулках подсознания ... и использовать это в своих интересах».

Набору Ватая, жестоко унизивший своих племянниц, Сэнсэй – вождь ультраправых националистов из «Охоты на овец», доводят чувство страха у Кумико и у Крысы до глобальных масштабов. Более того, в «колодцах» памяти перед героями Мураками проходит череда страшных картин повешенных девушек, убитых с особой жестокостью персонажей. Но протагонисты Мураками не бегут от жертв. Напротив, больные, убитые, умершие раз за разом «вызываются» ими из глубин памяти, а герои движутся к ним навстречу. Быть может, это стремление к экзистенциальному прозрению – пониманию смысла происходящего в условиях пограничных состояний страдания и смерти. И через понимание этого смысла – стремление к «освобождению» и исцелению.

Добившись того, чтобы страх проник в каждую клеточку читателя, захватил его целиком, Мураками одновременно, исподволь и деликатно предлагает свои рецепты его лечения. «Лекарства», как и сами болезни, многообразны и в большинстве случаев эффективны. Главное Средство борьбы со страхом, проповедуемое Мураками, – это действие. Страх исчезает при действии, как «родимое» пятно у Заводной птицы. Кумико убивает Набору Ватая, а Крыса убивает себя и Овцу в себе, зеленое чудище терпит поражение перед более сильной духом женщины, а «живая» волна тайфуна уже не страшит героя, поскольку он повернулся к страху лицом.

Средства «доктора» Мураками, конечно же, не панацея. Но как всякий опытный и одаренный «врачеватель», в большинстве случаев он достигает успеха, и его «методы лечения» – раз они эффективны – применяются во всем мире.

Кумико и Крыса оздоравливают генетику общества. Покончив с паранойальным насилиником Набору Ватая и с «дьявольской» овцой, они вселяют в нас оптимизм.

«Кумико вернется», – уверен Заводная птица. И он уверен, что если у них будет ребенок, то это будет дитя, готовое бороться со страхом и

побеждать его. Семья Торо Окада не будет одинока. «Если с тобой что-нибудь случиться, Заводная птица, просто громко позвони меня и я приду к тебе на помощь со всей своей утиной братией», – говорит Мэй Касахара.

Если Вас одолевают страхи и сомнения, если на жизненном пути вы не видите выхода, снимите с полки томик писателя. Мураками придет к вам на помощь. Страхи и сомнения, по крайней мере, многие из них, исчезнут, как призраки Лексингтона из жизни протагониста.

Исцеление любовью

Повествование у Мураками ведется, как правило, от первого лица. Герои писателя, несмотря на возраст, профессию, семейное положение похожи друг на друга. Более того, иногда складывается впечатление, что, рассказывая свои истории, они очень органично переходят из книги в книгу, меняя детали и декорации своего места обитания. У некоторых из них вовсе нет имен. Сначала во всем этом трудно разобраться. Похожие чувства я испытал, когда впервые смотрел на гравюры Хокусай и Хирошигэ, или читал Сайгё и Садаизэ. Но постепенно проясняется, пожалуй, самое важное – интонация изложения. Интонация упомянутой выше светлой печали, неизбывной тоски, сопутствующих не только одиночеству, но и любви. Признаться, и «объекты» любви героев представлялись мне чем-то, в некоторой степени интегральным, хотя имена у них разные. Как и в случае с протагонистами, женщины в романах иногда вовсе не имеют имен, особенно в ранних произведениях. Кажется, что они не запомнились рассказчику, поскольку встретились ему в пору солнечной, светлой молодости, в атмосфере беззаботных университетских каникул, с морем пива и Джей-баром у моря (все эти близняшки под номерами 208, 209, студентки, продавщицы пластинок). Встречи легкие, под легким пивным хмельком, без обязательств, без каких-либо последствий («Слушай песню ветра», «Пинбол 1973»).

Динамика развития различных модусов экзистенции у Мураками сходна. Как и в случае с одиночеством, так и в случае с эволюцией Любви, тревожные нотки, едва прорываясь сквозь атмосферу лета, затихают и отдаляются. Они, эти нотки, еще проявятся, но позже.

А сначала у протагониста «К югу от границы, на запад от солнца» с многозначительным именем Хадзимэ (начало) будет детская любовь (Симамото), первый поцелуй, чистое, юношеское чувство к Идзуки (родник) и первая измена, как окончание увертюры к взрослой жизни. Только потом, по мере развития, действие теряет светлые краски. Университет, семейная жизнь, хорошая работа, благополучие сменяется бесконечной рутиной и неизбежно затягивающей повседневностью. И вот через эту серую череду дней все явственнее прорываются звуки грустных мелодий из начальных романов «Трилогии Крысы». То ли явь, то ли видение (Симамото), родник (Идзуки) замутнен (и хотя топор брошен, фея почему-то не появляется). А появляется Нечто (лицо Идзуки), пугающее детей.

Большинство влюбленных героев Мураками разделены с предметом своих чувств пространством, временем, «колодцем». Общаются они посредством писем, электронных посланий, снов, видений. Это позволяет героям быть предельно свободными, искренними, смелыми, исповедальными, хотя зачастую это не спасает их чувства от разрушения. Формальные поводы могут быть разными: душевное незддоровье, инцест, нетрадиционная сексуальная ориентация. Но причины краха высоких чувств в «тоннелях» испытаний, безусловно, глубже. Кажется, что может быть банальнее трагических «love story»? Они ведь веками описываются и писатель, вроде бы, в очередной раз использует обычный экзистенциалистский прием – прозрение через страдание. Пожалуй, можно и согласиться с этим утверждением. Но что действительно отличает подобные истории у Мураками, так это свет в

конце «トンнеля». Лучик, а затем сноп света, который, разрастаясь, не только освещает, но и звучит. Не громко и жизнеутверждающе, а скорее элегично, светло, подобно мелодии Доницетти во время слепого дождя на фоне яркого летнего солнца. И кажется, что все возлюбленные героев (и Юкико, и Симамото, и Идзуки, и Мидори и Симурэ), несмотря на различия в их судьбах, идут, не прячась под этим очищающим, катарическим дождем. И сквозь дождь, сквозь его пронзительную и печальную мелодию, слышатся главные слова героя: «Завтра начинаем новую жизнь... Что скажешь?», – и далее – «... дождь. Он неслышно проливается на необытную гладь (моря) и никто этого не видит. Капли дождя бесшумно падают, но даже рыбы не знают, что наверху идет дождь».

Любимые возвращаются. Заводная птица обязательно спасет свою Кумико, а мы увидим нового человека – Хадзимэ (начало). Зима в «Городе» закончилась. Жизнь только начинается. Вернулся свет к хранительнице снов из «Страны чудес». Самое радикальное средство «доктора» Мураками – Любовь – по-прежнему доказывает свою действенность.

Наиболее известные романы:
«Слушай песню ветра»
«Пинбол 1973»
«Хроники Заводной птицы» – «Птицелов»
«Норвежский лес»
«Охота на овец»
«К югу от границы, на запад от солнца»
«Призраки Лексингтона»
«Страна Чудес без тормозов и Конец света»
«Мой любимый sputnik»